

Татьяна
Краснова

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

Мужские истории

Женские истории

Татьяна Краснова

Месяц в деревне

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Краснова Т. А.

Месяц в деревне / Т. А. Краснова — «Центрполиграф»,
2020 — (Женские истории)

ISBN 978-5-227-08958-8

Таня и Юля встретились в тихом маленьком Белогорске и сразу подружились, несмотря на то, что и характеры и интересы у них совершенно разные. Но у обеих – сложные отношения с родителями, которые хотят видеть своих дочерей успешными и самостоятельными, при этом уверены, что лучше детей знают, где и как этого добиться. Однако девушки остаются верны себе и, преодолевая препятствия, выбирают свой собственный путь. А дружба помогает им пережить беды юности: неуверенность в себе, предательство в любви, мучительный поиск своего места в жизни...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08958-8

© Краснова Т. А., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Часть первая	6
Герой нашего времени	6
Обрыв	7
Витязь в тигровой шкуре	9
Война и мир	11
Дом с мезонином	13
Бахчисарайский фонтан	15
Спать хочется	18
Муму	19
Темные аллеи	22
Мои университеты	24
Семья вурдалаков	27
Собачье сердце	30
Во весь голос	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Краснова

Месяц в деревне

Серия «Женские истории»

© Краснова Т. А., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

* * *

Часть первая

Герой нашего времени

– Моя жизнь, чё хочу, то и делаю, – огрызнулся подросток лет двенадцати, кубарем скактившийся с грузового состава, который внезапно затормозил.

Пожилая дама с розовым зонтиком, шедшая по тропинке вдоль железной дороги, всплеснула руками.

– Как это – твоя? А как же поколения, которые передавали по цепочке твою будущую жизнь начиная с пещерных людей? Ты только представь: они должны были пережить все войны и эпидемии, и голод, и смуты, и татарскую орду. Им было не миновать ни одной эпохи и ни одного исторического катаклизма, раз уж ты родился! Они проявляли чудеса стойкости – и тут тебя потянуло на подвиги!

Пока дама сообщала, что она врач, и рассказывала про отрезанные здесь, на железке, руки-ноги-головы, упавший поднялся, отряхнул драную джинсу и двинулся вперед, не оглядываясь.

– Да что вы время тратите, это же зацепер, они все придурки, – прозвучал еще один голос – громкий и насмешливый.

Мальчишка обернулся и увидел девицу старшего школьного возраста. Рыжую, точнее, оранжевую, как апельсин.

– Дура рыжая, – утвердил он и прибавил шагу.

Ответом ему был обидный смех.

– Всего доброго, молодые люди, не ссорьтесь, – пожелала старушка.

Апельсин ее окликнул:

– В сторону Белой Горки, к дачам, я правильно иду?

Розовый зонтик начал многословно объяснять, что еще не изучил все здешние места и может ошибиться, что посещает лекции по краеведению, но про Белую Горку им еще не...

Зацепер обернулся и перебил:

– Неправильно. – И грязный палец указал другое направление.

Обрыв

Гора поднималась уступами, словно гигантскими ступенями, которые заросли гигантскими же лиственницами, кленами и ясенями. Было похоже на сильно запущенный парк. Апельсиновая девчонка остановилась, переводя дух. Откуда-то сверху раздался голос-колокольчик:

– Можешь вот так постоять? Постой еще немного, пожалуйста.

– Я только и могу – стоять. Или упасть и не встать. Это Эльбрус, а не Белая Горка!

– А это и не Эльбрус, и не Белая Горка. Дачи совсем в другой стороне. Здесь городской парк начинается. Ты, наверно, не здешняя?

– Да уж, ожидала я чудес, – мрачно проговорила апельсиновая девчонка. – В Белогорске моя мама родилась. Я про него сопли-вопли все детство слушала. Судя по восторгам, здесь должны быть принцессы, феи, эльфы...

Она разглядела среди веток на обрыве фигуру с карандашом в быстро-быстро двигающейся руке.

– Поднимайся сюда. Передохни на лавочке. Мне нужно твое лицо. Тебя как зовут?

– Юля. А тебя?

Юля одолела последнюю вертикаль и оказалась под двумя березами, которые росли в обнимку на самом краю.

Перед ней сидела принцесса. У нее были огромные голубые глаза и золотистые волосы, кольцами разбросанные по плечам. Если бы собственные Юлины волосы потеряли красноватый оттенок, побледнев до золотистого, а веснушки исчезли, а нос утончился, а рот уменьшился, то и она стала бы похожа... Апельсиновая девчонка тряхнула головой и вернулась в реальность.

– Марина, – представилась принцесса, не переставая работать карандашом.

Юля присела рядом, заглянула в рисунок, прочитала на подложенной под него книге название:

– «Поллианна». А, это про рыжую девчонку, которая играла в радость. А ты ее и рисуешь? И тут как раз я, тоже рыжая? Но это же детская книжка, я ее в четвертом классе читала.

Марина была как раз принцессного возраста, на вид лет семнадцати.

– А мне двадцать, – уточнила она. – Но захотелось перечитать. Знаешь, как в одном стихе: *только детские книги читать, только детские думы лелеять, все большое надолго развеять, из глубокой печали восстать.*

– Это из какой же печали? – поинтересовалась Юля бесцеремонно: раз ее используют, заставляют позировать, то чего церемониться. Но художница сказала только:

– Хотела вспомнить, как играть в радость. Воспользоваться способом Поллианны, раз само по себе ничего не радует. А книжка, видишь, без картинок, и я решила это исправить. Мне до сих пор кажутся несправедливыми две вещи: что у взрослых нет каникул на все лето и что для них делают книжки без картинок.

– Ты художница?

– Нет.

– Ну, учишься?

– Тоже нет.

Юля вытянула шею, еще раз заглянула в рисунок – выходит очень даже хорошо. Видимо, лицо у нее было недоверчивым, и Марина пояснила:

– Я и в художественную школу не ходила, хотя она тут есть. Мне в детстве вообще не хотелось рисовать. Я читать любила и еще цветы в нашем саду выращивать – там было только мое царство, никто не мешал. А потом я увлеклась флористикой: одна знакомая делала кар-

тины из цветов и меня научила. Только у меня не хватало терпения. Надо какой-нибудь элемент подобрать из растений – а я возьму и подрисую, так же быстрее. Вот и началось...

– Значит, это хобби, – постановила Юля.

Принцесса погрузилась:

– Ну да. А учусь я на юриста. Папа юрист, и мама была... И мне казалось естественным на юрфак поступать. Папу послушать: не работа – поэма...

– А оказалось, муть какая-нибудь? – спросила Юля без всякого сочувствия.

– Очень скучно, – призналась Марина. – То есть не учиться даже, а на работе. Папа меня в свою контору взял. Я сейчас, после сессии, бумажки там перебираю, отношу их из кабинета в кабинет. На компе что-нибудь делаю.

– Так это и есть глубокая печаль? – догадалась Юля.

– Каждый день жду, когда это кончится и начнется настоящая жизнь. А когда подумаю, что ВСЯ жизнь из этого и будет состоять...

– Так бросай.

– Ну, нельзя же так сразу... Я еще только начала...

– Можно, – отрезала апельсиновая девочка. – Или ты там наковыряла какую-нибудь радость? Типа хорошей зарплаты?

– Нет, радость – вот она. – Марина пошевелила свой листок. – Спасибо, что помогла. Ты так вовремя появилась. Прямо из книжки выскочила. Только до Белой Горки отсюда далеко. Что ж тебя никто не встретил? У тебя ведь здесь родственники, наверное?

– Сама дойду, – ответила Юля, поднимаясь и вспоминая гада-зацепера, пославшего ее не в ту сторону. – А родственникам, то есть деду, будет сюрприз.

Витязь в тигровой шкуре

На цветущей поляне под сосной стоял дом со множеством флюгеров на крыше. Юля разглядела флажок с тремя языками, кота с выгнутой спиной, ключ, петушка, дракона и корабль под парусами. Были еще какие-то, но их заслоняли трубы и башенки.

Попав в дом, Юля запуталась во множестве комнат. Хотела вернуться к входной двери, но вместо нее увидела какие-то ступеньки и начала подниматься. Лестница привела ее на чердак таким образом, что сначала там оказалась голова.

Все чердачное пространство было расчерчено солнечными полосами, которые пробивались сквозь щели в некрашенных деревянных стенах. Просторно и пусто. Только покачивалось кресло-качалка, к которому подкатился большой красный мяч, казалось еще сохранявший движение.

Раздался страшный грохот, и все развалилось.

Юля разлепила глаза.

Этот сон с домом на поляне она уже видела – перед приездом в Белогорск. А дедушкин садовый домик напоминал конуру кума Тыквы из «Чиполлино». Крошечная комната внизу и помещение под крышей, заваленное старьем, среди которого спала Юля. Поднявшись, она обнаружила за окном кислое серенькое небо.

– На самом деле солнце просто заливает все вокруг! Оно сияет там, над облаками, в черном космосе. Заметь – всегда! И днем и ночью. Просто надо его подождать.

Юля оглянулась – дед появился незаметно и перебирал какой-то хлам. Лучше бы наоборот: сначала хлам перебирал потихоньку, а уж потом грохотал, когда она проснется.

– Я тебя разбудил? – тут же догадался он. – Это я ведра расставил, чтобы вода погрелась перед поливом, а потом тачку не глядя покатыл, а дорожка каменная...

– Ничего. Мама рассказывала, что ты всегда сконцентрирован на себе и на своих великих целях.

– Что, она так и сказала?

– Ну да.

– Вот, хотел показать – подумал, тебе будет интересно...

В руках у деда был альбом с марками. Юля невольно рассмеялась, глядя на ветхие невзрачные бумажки, явно представлявшие для него великую ценность.

– Да, мама рассказывала, что ты и календари собирал, и значки, и монеты, и много всякого хлама.

– Что, она так и говорила?

– Ну да.

Дед убрал альбом.

Юля спустилась на первый этаж, походила по домику, осмотрелась. Летом еще ничего, тепло и птички поют, а каково здесь зимой? Ну, дед же выживает.

Незнакомые звуки окружали со всех сторон. В наукограде кричали петухи и мекали козы. К пению птичек прибавилось шебуршание. Мыши, что ли? Или покрупнее – крысы? Пока Юля перекусывала, неясный шум перемещался, то утихал, то нарастал. Где его источник – под полом, за стенами? Не разобрать. Юля вышла на крыльцо. Может, под крыльцом? Она свесилась через перила маленькой терраски.

Тигр смотрел на нее в упор. Глаза горели желтыми огнями.

Не сразу стало понятно, что домашний васька был в шкуре, выкроенной из большого тигра, с полосками не по размеру, причем одна из них проходила наискосок через морду, придавая устрашающий вид.

Увидев незнакомое существо, кот оторопел. Потом подскочил и бросился прочь. На дорожке, выложенной каменными плитками, загремели ведра, одно за другим. Эффект домино, подумала Юля. А витязь в тигровой шкуре жирноват – зацепил, когда перепрыгивал.

Из сарайчика высунулся дед.

– Юлечка, я очень рад, что ты приехала погостить... Но я должен сказать... Я подрабатываю репетиторством – ну там, алгебра, физика. Летом тоже есть желающие. И как раз сегодня у меня будет урок...

– Не шуметь, да? – перебила Юля. – Поняла уже, ладно. А как же ты уроки-то даешь, если сам сто лет назад учился? Не как Хоттабыч, я надеюсь, – Индия находится на самом краю земного диска... Неприятностей потом не бывает?

– Ну, математика не так изменилась, как география, – слегка смешался дед.

Война и мир

Странно – источник исчез, а шум остался. Юля отчетливо его слышала. Можно спросить у деда, но она предпочла походить по новому для себя пространству и прислушаться. Дошла до кустов малины, заменявших забор...

Вчерашний зацепер уставился на нее, оторопев совсем как кот. Вид у него сегодня чистенький и домашний, но не узнать нельзя. Это из-за него она два часа бегала вверх-вниз.

Юля, раздвинув кусты, вмиг оказалась на территории обидчика – без вступлений и риторических вопросов.

– Ах ты, мелкий гад! Башку откручу!

Мальчишка отпрянул.

– Не бойся, – пообещала апельсиновая девочка, – я с мелкими гадами прекрасно справляюсь. У меня братец такой же, как ты.

Осознав, что его хватают за шиворот, мальчишка бросился бежать. Юля гналась за ним через весь его садовый участок. У противника было преимущество – знание местности, и она сразу поняла, что он уведит ее от своего дома с родителями, где могли начаться всякие выяснения обстоятельств и всплыло бы его дурацкое паровозное хобби.

Они пронеслись по заброшенной даче, где ничего не стоило перескочить через поваленный забор, потом помчались через дачу пустую, незастроенную и незасаженную, где забора не было вообще. Зацепер петлял, стараясь, чтобы Юле под ноги попадались скамейки, бочки, ямы, кучи мусора, но она и вправду прекрасно со всем справлялась.

Наконец они вылетели на обширный пустырь, выложенный бетонными плитами, которые растрескались, заросли бурьяном и были щедро усыпаны битым стеклом. Повсюду торчала арматура. Чернел открытый люк канализации. На краю стояла ржавая вышка: лесенки со скошенными ступенями, погнутые перила, проваленные деревянные площадки. Этажа три высотой.

Мальчишка резко затормозил – и забыл о погоне, словно переместился во времени и никакой Юли за его плечом уже не нависало. Юля тоже остановилась.

На вышке, на нижней площадке, сидел эльф.

Острый подбородок упирался в острые коленки, обнятые хрупкими ручками. Прозрачные печальные глаза смотрели из-под челки, как из зарослей, и тут же переменили цвет на радостно-зеленый.

– Егор? Привет. Как ты вырос. Я не сразу тебя узнала.

– А я сразу! Таня! Ты что тут делаешь?

Юля перевела взгляд на Егора – и тоже не узнала его. Мерзкий мальчишка вдруг сделался таким красивым, с такими тонкими чертами лица, с бездонными глазами.

– Тут хорошо, тихо, никогда никого нет. – Таня неопределенно повела вокруг своей прозрачной рукой и вдруг, улыбнувшись Юле, спросила: – За вами кто-то гонится?

Егор покраснел до самых пяток.

– Пробежались малость для разминки. – Юля удивилась собственному великодушию.

Егор, метнув на нее быстрый взгляд, ненатуральным голосом продолжил:

– Здесь когда-то была площадка клуба юных десантников. Мама рассказывала. С этой вышки они прыгали с учебными парашютами. А еще тут настоящие самолеты стояли, большой и маленький. Когда началась перестройка, их украли, все теперь заброшено, и клуба нет.

– Вот оно что, – оживилась Таня. – Значит, в этом месте бывало много смелых людей. Это чувствуется. Поэтому тут хорошо.

– Думаешь, можно зарядиться чужой смелостью? – удивилась Юля.

– А ты давно в Белогорске? – одновременно спрашивал Егор.

Таня ответила мальчишке:

– С конца мая. Мама боялась, что вдруг начнется аномальная жара, как прошлым летом и позапрошлым, и в Москве нечем будет дышать, – и сняла здесь дачу. На все время, пока я сдавала ГИА. А жары нет никакой. Наоборот, дожди заливают.

– И я на даче, у бабушки и деда, – радовался Егор. – Может, мы недалеко друг от друга? А ты еще не уезжаешь? Еще здесь поживешь?

– Ты тоже окончила девятый? – оживилась Юля, успевшая забраться на вторую площадку вышки. – Сколько баллов по русскому? А по математике? А что еще сдавала? Я – физику и информатику.

Теперь Таня отвечала уже ей, поинтересовавшись:

– Ты там как? У меня бы сразу голова закружилась.

– А меня вдохновляет смелость крутых парней, – хохотала Юля, балансируя на краю с раскинутыми руками.

Вся вышка была изрисована и исписана. Патриотичные надписи вроде «Слава ВДВ» перемешивались с нецензурными, с любовными признаниями и множеством имен и прозвищ. Над самой головой нависали непонятные гигантские буквы: NikVer.

Егорка, поняв, что Юля уже не будет его ни казнить, ни позорить, расслабился и завладел Таниным ноутбуком:

– «Макбук Эйр»! Круто. Тот самый, да? Обновленный, сверхтонкий!

Дом с мезонином

Комнат на втором этаже было несколько, и Таня неслышно переходила из одной в другую. Пустота, мебели – никакой, ободранные старые обои. На одном подоконнике – цветочный горшок без цветка. За окнами качаются ветки высоких древних яблонь без яблок.

Таня прислушалась, точнее, отключила все способы восприятия, кроме слуха. Сначала в уши врывались звуки улицы: голоса машин, людей и собак, велосипедный звонок, пение птиц – множества разных птиц – благозвучное и не очень. Потом начали проступать голоса самого дома. Скрипы, шорохи, щелчки, идущие непонятно откуда, – сколько же их! Какие-то вздохи, воздушные волны... Еще немного – и зазвучали смех и разговор играющих детей, потом их шум и плач. Похоже, в этой комнате жила не тихая и одинокая старушка.

Таня заметила еще одну дверь, оклеенную обоями и слившуюся со стеной. А за ней, в чуланчике, обнаружили сказочные богатства: несколько кукол, велосипедное колесо, конь на колесиках, хвост этого коня. На полках лежали коробки с елочными игрушками и настольными играми. Конечно, здесь жили дети! То ли игрушки подтверждали голоса из прошлого, то ли голоса подтверждали игрушки – Таня повеселела, приставила коню хвост и еще раз прошлась по пустынным комнатам.

Здесь хотелось покружиться под негромкую музыку. У них дома тоже есть комната, куда редко заходят и где можно протанцевать все свои мысли, сны и события дня, чтобы они до конца проявились. Таня посмотрела на плеер. Может, включить совсем-совсем тихо?

Но с первыми же звуками на лестнице послышались шаги. Она быстро нажала на кнопку, но было поздно.

– Вот ты где. – Мама, как обычно, выглядела озабоченной и недовольной. – Ты не забыла, что сегодня урок?

– Как урок? Экзамены же кончились, – удивилась Таня. – Я же все сдала.

– Но я договорилась с Юрием Георгиевичем! Тебе нужно подтянуть алгебру.

Таня молчала.

– Нам просто повезло, что мы его здесь откопали! Ты должна осознавать, какого уровня это специалист! Это же историческая личность! Все равно что сам Пифагор тебе бы таблицу умножения объяснял.

Таня молчала.

– Он на синхрофазотроне работал – ты ведь представляешь, что это коллайдер того времени! Тебе это что, неинтересно?

Таня молчала.

– Вижу, что неинтересно, – обреченно проговорила мама. – А что тебе интересно? У тебя же пустота в голове. – Она подняла и разбудила спящий Танин ноут. – Господи, а это еще что? Кладбища... готы какие-то. Что еще за чушь?!

– Жизнь и смерть – это чушь? – наконец разлепила губы Таня.

– В твоём возрасте, в виде этой вот дребедени – да! Я прекрасно понимаю, что все это – от элементарного безделья. И что я сама виновата, предоставив тебе слишком много свободы. Но настала пора тобой заняться, пусть даже в ущерб делам!

– По-твоему, я элементарная частица и мне нужен ускоритель?

– Вот именно! А умничать уместнее было бы в школе, а не с несчастной мамой, которая жертвует для тебя всем! Даже сюда согласилась приехать, потому что тебе здесь нравится! Думала, ты взбодрись, дела успешнее пойдут. Не забудь про урок!

В несчастной маме было столько энергии, что хватило бы на запуск и коллайдера, и синхрофазотрона.

Таня, сползая по перилам, оглянулась. Из приоткрытой двери чулана выкатился большой красный мяч и нерешительно замер посреди пустой комнаты.

Бахчисарайский фонтан

По дорожке вдоль забора прошла дама с розовым зонтиком. Узнала Юлю, кивнула. Та помахала рукой в ответ и подумала, что здесь уже есть с кем поздороваться.

Потом оказалось, что дед решил, будто она общается с ним, и давно уже что-то говорит. Кажется, о том, как она похожа на маму.

– ...Вас еще и зовут одинаково...

– Все нет. Дома меня называют Ю-2. – Юля привычно уже прислушалась, но сегодня нигде ничего не шуршало.

Дед, естественно, не врубился:

– Ю-2? А почему?

– Ну, ты же сам сказал, что я – модификация мамы. Значит, мой номер – следующий по порядку.

– По этой логике Ю-1 должен бы быть я, – задумался дед, но Юля не стала подсказывать, что по этой логике его вычеркнули. Кажется, он догадался сам и поинтересовался: – А ты звонишь маме? Или она тебе?

– Нет, – ответила Юля спокойно и, глядя, как подскочили у деда очки, так же спокойно и серьезно спросила: – А ты звонил пятнадцать лет назад, когда все уже переехали из Белогорска, а ты остался продавать дачу, а потом решил не продавать и не уезжать?

– А... а родители хотя бы знают, что ты здесь? – начал заикаться дед. – Я думал, что это у вас согласовано...

– Это не было согласовано, – честно ответила Юля. – Но я перед отъездом написала им эсэмэску. И уже отсюда – еще одну, что доехала благополучно. Если бы родители захотели меня вернуть, они бы давно это сделали.

И если мама не звонит, значит, просто не хочет. – И великодушно добавила: – Могу дать тебе мамин телефон – позвонить, пожаловаться. Тем более пятнадцать лет не общались – и вот повод.

– Но я не собираюсь жаловаться! Я очень рад, что ты приехала в гости. Мне бы просто не хотелось никаких неприятностей, прежде всего для тебя...

– А я не в гости. – Юля смотрела на него еще более серьезно и внимательно. – Вообще-то я насовсем. Но лучше мне пойти пройтись – сейчас ведь твоя дурочка припрется на урок.

Чужие дачи больше напоминали особняки и терема. Или это уже не дачи, а город? На одном из дворцов, мимо которых шла Юля, красовался флюгер – золотой кораблик. Под парусами. Неужели из сна? С крыльца помахала рукой Марина – та самая, НЕхудожница. Юля ответила, еще раз подумав, что уже есть с кем поздороваться в этом Белогорске. Осведомилась:

– Как Поллианна?

– Я добралась до продолжения. Ты читала «Поллианна вырастает»?

– Да. Там все испортили любовью. – И пояснила, увидев растерянное лицо: – Тебе не кажется, что значение любви вообще сильно преувеличено?

Пока Марина думала, что ответить, Юля пошла дальше. Побродив по улицам, притормозила у фонтана с большой рыбой посередине. Из разинутой пасти били струи воды, превращаясь в прозрачный купол, накрывавший и рыбину, и каменную чашу. А на ее краю сидел вчерашний эльф, то есть Таня, высматривая что-то под этим куполом. Юля тоже пригляделась, увидела монетки на дне, а еще вездесущие надписи – на рыбе и ее постаменте. «NikBer», – крупно было выведено перед самым носом. «Что-то знакомое», – отметила Юля и подошла поздороваться.

Любые превращения происходили здесь легко. Можно было дать глазам задание видеть только белый цвет – и отовсюду начинали выскакивать ромашки, пушистые одуванчики, кисти белой кашки, душистые медовые зонты, мелкие белые цветочки без названия, а еще бумажки, камешки, обломки кирпича – все, только что невидимое и незамечаемое, утопавшее в зелени. Оставалось поражаться, сколько вокруг белого. То же самое происходило с желтым, синим, красным и розовым.

Таня сидела на нижнем ярусе парашютной вышки, включая и выключая зрение.

Пустырь только казался пустым. Если поиграть со слухом, то это место оказывалось переполнено звуками, начиная со всевозможных насекомых и продолжая почти неразличимыми гудками машин, стрекотом электрички, тающим гулом самолета, далекой музыкой, ударами невидимого молотка – но стоило суперслуху отключиться, как все это тут же сливалось в привычную лжетишину.

Заколдованно-расколдованное царство затягивало в себя, но Белогорск, которого она почти еще не видела, тоже тянул – и перетягивал. Таня быстро прошла две улицы, на которых раньше уже была, и задержалась у подступавшего озера. Над водой нависла плакучая береза, образуя шатер из длинных ветвей, и пространство внутри его казалось особенным. Оно обещало какую-то разгадку или ответ на какой-то вопрос, но раз за разом, как Таня ни всматривалось, ничего не выдавало. Попасть же в само это пространство было невозможно, если только не зависнуть на почти вертикальном склоне или не плюхнуться в озеро.

Там, где начинался настоящий город с многоэтажными домами, всегда хватало времени только дойти до маленькой площади или сквера с фонтаном в виде рыбы, стоящей на хвосте. В куполе воды почудилось что-то знакомое. Таня присела на край каменной чаши – под куполом было такое же точно пространство, как внутри шатра из березы – недоступное и содержащее нечто важное. И что с ним делать, непонятно. Таня пробовала изменять взгляд на прицельный и на размытый, но только увидела на противоположном краю фонтана яркую спортивную девочку, знакомую Егора. Та ее тоже узнала.

– Не наукоград, – поделилась Юля, – а деревня. Какой-то Понивилль¹. Вот только здесь нормальный город начался.

– Ты заметила, что у Белогорска нет ни начала, ни конца? – чему-то обрадовалась Таня. – Три года назад я отдыхала здесь в лесном отеле, и город оттуда выглядел таким далеким, волшебным. Я все хотела специально приехать, чтобы войти в него...

– Вот и я специально приехала, – скривилась Юля. – Тоже навоображала... Даже сны видела... А все – не такое.

– А какие сны?

Таня так смотрела, будто именно это стоило внимания, и Юля навспоминала что-то о соснах, о флюгерах на красной крыше, повторив, что все оказалось совсем не таким.

– А мне представлялась калитка, – призналась Таня, – сквозная, из тонких металлических завитушек, как будто кружевная. Она распахивалась – и я оказывалась в своем волшебном городе... Я тут несколько улиц обошла, со множеством ворот. Есть какие угодно, а таких – нет. Дачные улицы перетекают в городские, и нет никакого начала, нет ВХОДА. Если ты не в лесу, считай, ты уже в Белогорске. А вот то, о чем ты говоришь, я, кажется, видела.

От сквера с фонтаном лучами расходились несколько улиц. Таня выбрала один луч и скоро остановилась у дома с красной крышей. На подвижной стреле крутился металлический кот: спина выгнута, хвост трубой. Юля вспомнила уже найденный кораблик, обрадовалась:

– Еще один флюгер! Да, очень похоже. Выходит, все не так уныло! Давай еще побродим.

¹ Понивилль – тихий зеленый городок в фэнтезийной стране Эквестрии, населенной разумными пони, из анимационного сериала «Дружба – это чудо» (англ. My Little Pony: Friendship Is Magic).

– А как у тебя со свободой передвижения? – осторожно спросила Таня.

– Да нормально. У меня здесь только дед, он – Хемуль.

– Кто-кто?

– Ну, в историях о муми-троллях есть такой зверек – хемуль. Безвредный чудак – ходит-бродит, собирает марки или насекомых. Так что можем гулять до утра.

– Не можем, – медленно покачала Таня головой и словно спряталась под свою челку. – Понимаешь, я выросла с нянями и домработницами – родители бизнесом занимались. Никто ко мне не лез никогда. И вдруг мама бросилась на воспитание. Вывезла меня на эту дачу, ходит по пятам, всегда всем недовольна. Просто не знаю, что делать. Немного свободы образуется только после урока – я возвращаюсь не сразу, брожу где-нибудь, как сейчас...

– После урока? – переспросила Юля. – После какого урока?

– Ну, я хожу к репетитору. Так мама хочет. Меня учит математике сам Пифагор.

Спать хочется

Дама с розовым зонтиком шла не прогулочным, а торопливым шагом.

– А вы сегодня позже, чем обычно, – прокомментировала Юля из-за забора.

– Опаздываю! Осталось четыре минуты.

– До чего?

– Да итальянский же! Урок по телевизору. Всю жизнь мечтала выучить этот язык, – не сбавляя скорости, проговорила дама.

– Вот это да. – Юля поискала взглядом деда. – И эта – на урок! Итальянский. Обалдеть. Я думала, ТАКИЕ только мыльные серики смотрят.

– Ну, не такая уж она и старая, – слегка обиделся дед. – В нашем возрасте как раз полезно усваивать новую информацию: учить стихи, запоминать иностранные слова. В Доме культуры, я слышал, даже университет для пожилых открылся. Лекции о здоровье читают, о садово-огородных делах, есть компьютерные курсы...

– А ты туда ходишь?

– Я? Нет.

– А что тогда об этом говорить?

Юля устроилась на веранде, собираясь перехватить Таню сразу после урока. Из открытого окна доносились математические монологи Пифагора. Голоса новой подружки было не слышать. Вспомнилась детская книжка с картинками: орел выклеывает Прометею печень, тот страдальчески терпит. Когда дед удалился, предложив ученице решить что-то самостоятельно, Юля через окно заглянула в комнату:

– Ну что?

– Ничего. Опять чуть не уснула. Сейчас он вернется, сам решит и начнет объяснять по новой.

Юля посмотрела на уравнение. Таня беспокойно оглянулась на дверь и зашептала:

– Ну, будет опять $икс$ равен нулю. Я понимаю, ЧТО для этого нужно проделать, но только пока мне объясняют, а потом сразу же забываю. Я не понимаю, ЗАЧЕМ это нужно. Зачем все упрощать и что-то к чему-то приравнивать? Зачем сводить к нулю?

– Затем, – объяснила Юля, быстро записывая в столбик решение, – чтобы все это закончилось, и мы пошли гулять.

– А дело-то идет на лад, – похвалился дед, проведив ученицу. – Совершенно правильно решила, а какая слабенькая вначале была! Мне даже казалось, что она просто сидит и ждет, когда урок кончится – неловко было деньги брать у ее матушки...

Юля раскрыла учебник по алгебре. На первой странице крупно подписано: «NikBer».

– Это Таня оставила?

– Это? Нет, у меня куча старых книжек, от бывших учеников.

– А эта чья?

– А я и не помню.

Юля побежала догонять Таню и наткнулась на плачущего ребенка в комбинезончике – не разобрать, мальчика или девочку.

– Фусси! Фуська! Фусенька! – взывало дитя непонятно к кому.

– Ты что, потерялся? – притормозила Юля.

– Нет, это Фуська потерялся! Я его ищу.

Ни кошек, ни собак поблизости не было видно, и Юля помчалась дальше.

Муму

– Я, наверно, сама виновата, – оправдывалась Таня, когда они вместе шагали по длинной дачной улице. – Я, наверно, не умею учиться. Когда я была маленькая, к старшей сестре ходили разные учителя, а я сидела в ее комнате, играла и все слышала. И потом получалось, что я все уже знаю, и читать умею, и писать, и английский... А еще я любила потихоньку копаться в ее книжках и учебниках, когда ее дома не было, и из взрослых шкафов книги таскала. А в школе потом сидела и ждала, когда все кончится. Было неинтересно – ничего нового. Но если начинали объяснять что-то незнакомое, я ничего не понимала – мне, чтобы понять, надо куда-нибудь спрятаться и получить знание как будто через щелку или самой где-нибудь откопать, тогда оно станет моим. А если его передают напрямую, то это как кувалдой по голове, и чем больше напрягаешься, тем меньше толку.

– А по-моему, напрямую – как раз проще.

– Ну вот видишь, – развела руками Таня, – я и говорю, что не умею учиться, особенно при всех. Бывают люди, которые есть при всех не могут, для них это слишком интимный процесс.

– А может, тебе просто математика на фиг не нужна? – предположила Юля.

– Мне очень много чего не нужно, – призналась Таня, – даже страшно становится. Родители отдавали меня в разные престижные школы – в школу благородных девиц, например. В ней я возненавидела рукоделие и музыку. В школе с оздоровительным уклоном – физкультуру. Математика – само собой, я везде ее ненавидела. Более-менее было в английской школе... А что мне нужно – я не знаю.

Я люблю просто сидеть и мечтать. Но мне же никто не даст этим заниматься.

– Почему? – возразила Юля. – Если тебе так надо, никого не спрашивай – сиди и занимайся.

Таня засмеялась. Юля хотела было пояснить, что не шутит, как им обоим пришлось отскочить к забору: в облаке пыли пронеслись два квадроцикла, унося с собой хохот веселой компании.

– Придурки, – проворчала Юля. – Смотри, а вон там – городок гномов.

Они свернули на улицу, где стояли маленькие, как игрушечные, совершенно одинаковые коттеджики.

– Улица Научная, – прочитала Таня надпись на табличке. – Наверное, это и есть твой наукоград.

Квадроциклы опять проревели, обгоняя их, только на этот раз один затормозил, и Егор прокричал оттуда:

– Таня, привет! – как будто Юли рядом не было.

Юля тут же осведомилась, где его паровоз и почему он сегодня на нем не катается. Мальчишка скорчил рожу и врубил песню: «В стрёмных телках море позитива!» Его приятель начал усиленно приглашать девочек в свою повозку, хотя все места были заняты. Таня ограничилась тем, что поздоровалась с Егором, а Юля прокомментировала его музыкальный вкус и посоветовала купить прицеп.

– Или ты хотела прокатиться? – покосилась она на Таню, когда компания умчалась с ветерком.

Та замотала головой:

– Нет, меня бы это напрягло. Я бы не знала, о чем с ними разговаривать. Вот моя сестра – светский человек и получает от всего этого удовольствие. Она старше на пять лет. Когда я пошла в школу, ей было уже двенадцать. Мне этот возраст казался магическим. Казалось, как только и мне исполнится двенадцать, я стану такой же, как она – популярной, общительной. Пойму, в чем радость жизни. Вообще превращусь в другого человека. Пойдем дальше?

Впереди был парк. Аллеи с цветниками расходились веером и исчезали в зеленом море.

– Пойдем. И как, не превратилась?

– Не превратилась. Уже и тринадцать исполнилось, и четырнадцать, и пятнадцать. Я, наверно, много ерунды наговорила, – спохватилась Таня, – потому что не умею с людьми разговаривать. Я обо всем этом вообще-то обычно молчу. В моих школах принято говорить только о шмотках и о мальчиках...

– Это не только в твоих, – заверила Юля. – Нормально ты разговариваешь, расслабься. А мальчики что? Они у тебя хоть были?

Аллея подвела их к смотровой площадке с разломанными перилами. Вниз круто уходил обрыв. Кудрявые вершины деревьев спускались к озеру. А вот и двойная береза, увешанная ленточками, и скамейка под ней. Юля узнала место встречи с НЕхудожницей.

– Нет, не было. Я понимаю, это может показаться ненормальным, – говорила Таня, отойдя подальше от края. – Но я живу в замкнутом мире. Меня обычно возят, родители или домашний шофер – в школу, из школы. А все остальное время я дома. Там я сама по себе и занимаюсь чем угодно, но никуда не выхожу, потому что пока не вожу машину. А из коттеджного поселка иначе не выберешься. Сейчас мы переехали в Москву, но это мало что меняет.

– Ты что, просто по улицам никогда не ходишь? – не поверила Юля.

– Ну да. Мама только здесь расслабилась, потому что репетитор в двух шагах от дома. Теперь ты понимаешь, почему я так люблю бродить по Белогорску? Очень необычное ощущение себя в пространстве... Какая же тут может быть личная жизнь? А у тебя она есть?

– Нет, – созналась Юля. – Я пробовала встречаться с одним парнем, просто потому, что все девчонки уже с кем-то встречаются. Типа если у тебя никого нет, значит, ты никому не нужна. А потом узнала, что он провожает меня и идет еще к кому-то. Параллельщик такой. Я сказала, чтобы он это прекратил – или пусть отваливает.

– И что?

– Отвалил. Нет уж, мне такая муть не нужна, даже для галочки. А с одноклассниками ты что, не общаешься?

– Когда была помладше, меня возили на всякие дни рождения...

– И ты там ждала, когда все кончится? – со смехом подхватила Юля.

– В общем, да. А потом, я же в благородных девицах пробыла несколько лет, там мальчиков вообще не было. Но ты не думай, меня это не напрягает. Напрягает, когда на тебя начинают смотреть, как эти мальчишки с квадроцикла, как будто твои руки-ноги – это и есть ты.

Юля критично оглядела ее:

– Нормальные у тебя руки-ноги. Еще получше, чем у других.

– Ну, ты же понимаешь, о чем я. Мы один раз с сестрой гадали с зеркалом, там должен был кто-то появиться. И вот после этого у меня долго оставалось странное ощущение, когда я подходила к зеркалам. Вдруг я туда посмотрю, а там окажусь – *не я*. И в мужских взглядах примерно то же самое – я вижу, что они видят не меня, а что-то другое...

– А у меня ощущение, что на нас с тобой прямо сейчас смотрят. Тебе не кажется, что рядом кто-то есть? – насторожилась Юля. – Как будто ветки вокруг хрустят.

– Гуляет кто-нибудь. Тут же парк.

– Я и у деда все время что-то слышу. Наверно, это чужой мир со своими звуками, никак не привыкну... Вот, опять ветки трещат! А давай спустимся к озеру? У тебя же еще есть время? Не бойся, я подстрахую. Я здесь уже лазила. Не так уж и высоко.

Юля нырнула под перила и протянула Тане руку. Та зажмурилась, но шагнула вперед.

Внизу они побродили по берегу и набрали на живописный водопадик – ручей впадал в озеро, соскакивая с высокой ступеньки.

– Что-то плывет, – заметила Юля.

Таня предположила:

– Деревяшка?

– Нет, оно живое. Гляди, голова! Может, водяная крыса? Дед говорил, их в озере полно. Они норы по берегам роют, а народ их отлавливает на шапки и воротники.

– Это не крыса. Крыса бы плыла, а это... кто-то тонет! Смотри, как его крутит течением!

И Таня, сорвавшись с места, – Юля даже подумала, что она упала, – кинулась в воду. И в следующую секунду уже барахталась в озере, как была – в одежде, в кроссовках. Сзади раздался вопль:

– Таня! Стой! Там глубоко!

И оторопевшая Юля увидела в воде уже двоих: Егорка, появившийся откуда ни возьмись, рвался к ее новой подруге, поднимал брызги до небес и вопил:

– Осторожно! Там водоворот! Хватайся за меня!

Но у Тани были заняты обе руки, она что-то крепко ими держала и сама выбиралась на сушу. Юля по очереди втянула ее, потом Егорку – берег был высокий и скользкий, глинистый, без посторонней помощи не влезешь.

– Ну, ты даешь, – восхитилась она. – Вот это реакция. Кто там у тебя? – Она всмотрелась в маленькое, дрожащее, вымокшее существо и засмеялась: – Муму!

Это и правда был щенок. Промокшая Таня быстро сунула его за пазуху.

– Сейчас он... она... оно... согреется.

– Откуда он взялся? Может, кто-то топил щенков? Или он сам в воду свалился? – предположил Егор. – Это хорошо, что ты кроссовки не сняла. Там дно плохое, со стеклами, корягами.

Темные аллеи

Утро прошло не напрасно: хотя бы один элемент наукограда был наконец найден. Но стоило Юле отойти на шаг от величественного старинного здания НИИ, как она неожиданно оказалась в парке. Опять зеленое море, снова аллеи и клумбы... В Белогорске куда ни пойдешь, тебя заглатывает этот лабиринт! Зато хотя бы понятно, в какой стороне дом.

Но вскоре обнаружилось, что аллеи только кажутся теми же самыми, по которым они с Таней проходили вчера. Вот этих резных деревянных богатырей не было. И странных деревьев, превращенных в живые арки, тоже...

– Они согнулись зимой после ледяного дождя и, кажется, никогда не станут прежними, – пояснила Марина, выходя из-под веток.

– Живые – и ладно, – отозвалась Юля. – А мне казалось, когда в том году, в жару, все листья облетели и деревья летом стали лысыми, что они умерли навсегда. И придется жить в мире без деревьев. А они сильнее, чем кажется, – снова все зеленое... Ну, как твои картинки к книжке?

Марина только махнула рукой, Юля догадалась:

– А, опять глубокая печаль? Ну, я пошла.

– Если к дачам, то тебе опять в другую сторону.

Юля пнула с досады камешек:

– Куда ни поверну – все не туда! Городишко – два шага, а на каждом нужен навигатор. Или, на худой конец, карта.

– Карта? – удивилась Марина, и Юля наконец увидела, что у нее в руках не книжка, не листки с рисунками, а именно карта. Вытянула шею – а там Белогорск во всех подробностях.

Огромное зеленое пятно изображало, конечно же, парк. Юля тут же нашла точку, где они сейчас стоят, потому что чьей-то рукой очень похоже были подрисованы столбики-богатыри. В нужном месте нарисовали и двойную березу в ленточках, а впадение ручья в озеро, где Таня вчера выловила собачку, отметили надписью «Водопад».

– Супер, – восхитилась Юля. – Можно еще посмотреть?

Глаза разбегались. Пометки «Дом с привидениями» и «Старая пушка» обозначали достопримечательности, которые сразу хотелось увидеть. За пределами города значились не менее заманчивые «Черный камень», «Пещера», «Дерево желаний», «Старый причал», «Новый причал». Это была не обычная карта, которую можно купить в любом ларьке с газетами, а усовершенствованная – именно то, что нужно им с Таней!

– Слушай, дай мне ее, – не выдержала Юля. – Ненадолго! Мы с подругой не местные, ходим, без толку время теряем. А здесь, оказывается, столько интересного!

Марина колебалась:

– Карта вообще-то не моя...

– Да тебе она зачем – ты же все и так здесь знаешь, – горячо убеждала Юля.

– Это мой молодой человек мне оставил, – выговорила наконец Марина. – Я сейчас ходила по нашим с ним местам...

– А где он? – сбавила Юля напор. – С ним что?

– Все нормально, надеюсь. Он в армии. Он всегда был таким – ходящим новыми путями. Следопыт. Он и карту эту составил, с кучей разных мест, только ему известных. Вот смотри: на озере нанесены острова, которых нет на официальной карте. Камышовый, Утиный, остров Чаек. Это он ходил открывать новые земли – и открывал. Лицо земли ведь постоянно меняется – осенью одно, весной уже другое. Глядишь, после паводка тут полуостров намыло, там островок отрезало... Он в МГУ начинал учиться на биофаке, у него дедушка был академик, проблем – никаких. Но он их сам себе создал: забил на учебу, начал работать в турфирме,

возить группы в экзотические страны. Все после перелетов становились выжатыми лимонами, один он кайф ловил. Любил летать. Потом с учебы вылетел – и отправился Отечеству служить. Сам причем побежал – как же, новое приключение, ружье дадут, побегать, пострелять.

– И где теперь твой следопыт?

– В разведке.

– Далеко?

– Далеко.

– Так глубокая печаль – не из-за юридической конторы, – заключила Юля.

– Контора меня доконала!словно железный колпак на голове, и я из-за него не вижу ни неба, ни простора, даже собственных мыслей и желаний.

– Лезь из-под колпака, – потребовала Юля. – Следопыт вернется, никуда не денется, а с колпаком ты сама должна справиться. Не думаю, чтобы люди были слабее деревьев. Мы с ними на одной земле растем.

– Да я пытаюсь! Изо всех сил! Я же знаю, что нормальное состояние человека – это радость, и пробую во всем ее искать. Вот хожу с картой и ищу. Есть еще один способ: придумать, чем бы я занималась, если бы железного колпака не было, – и заниматься. Я тогда сажусь и рисую. Но этого ненадолго хватает.

– Значит, найди что-то посущественней. Бросай юристов и иди туда, где нужны картинки к книжкам. Ищи своих.

– Как Никола, что ли? – усмехнулась Марина. – Взять и все бросить – учебу, работу?

– Ну да. Начинай летать.

– Все сначала – в двадцать лет? Чтобы профессионально рисовать, надо с детства учиться... Хотя у меня как раз словно бы детство вернулось. Мы с Ником в восьмом классе познакомились и с тех пор всегда были вместе, я уж и забыла себя без него. И вот он исчез – и мне как будто снова четырнадцать. Абсолютно так же себя чувствую. И знакомых соответственно завожу. – Она первый раз улыбнулась и протянула карту. – Ладно, бери. Другой такой и правда не найдешь. Не потеряй только!

– Не потеряю, не испорчу, не испачкаю, – поклялась Юля. – А это тебе в залог. И ты не потеряй.

Теперь Марина не верила глазам. На протянутой ладони лежал солдатик – серенький, металлический, в каске и с ружьем. Старинный – таких она видела на детских фотографиях папы.

– Твой талисман?

– Мой страж. Мы с ним тоже никогда еще не расставались.

Марина положила солдатика в карман. Юля аккуратно свернула карту. Вдруг на полях мелькнула уже знакомая надпись: «NikBer».

– А это что? Что это значит?

– Имя владельца. Николай Берестов. Когда мы познакомились, он именовался Ник, а еще мы его называем Никола – я разве не сказала?

Юля взглянула на часы – до конца Таниного урока далеко. Еще раз раскрыла карту и ткнула наугад. Палец угодил в квадратик с обозначением «Гимназия».

Мои университеты

Возле Таниного дома торчал Егор.

– Опять ты! Вчера за нами через парк крался, а сегодня чего здесь забыл?

– Не видишь – у меня Муму, – независимо ответил мальчишка.

Собачонка и правда сидела у него на руках. Сухая, она оказалась шоколадной, шелковистой и глазастьенькой.

– Он согласился Моську понянчить, пока я на уроке, – заступилась Таня, выходя из домика, – а то мама от нее не в восторге.

– Наверно, испугалась, что из нее вырастет здоровенный барбос, – предположила Юля. – Дворняжки – это ведь всегда сюрприз. А она Муму или Моська? – И тут, вспомнив о главном, вытащила карту.

Таня, кроме значков-подсказок, высмотрела:

– Да вот же твой наукоград. Гляди: улицы Гагарина, Циолковского, Вернадского. А рядом – Пушкина, Ахматовой, Есенина. Полгорода – космос, полгорода – поэты. Они здесь что, жили? Или бывали? – И тут же спряталась в свой домик-челку: – Ну вот. Мама идет – меня встречать. Оттого что я вчера заявила мокрая, она тоже была не в восторге. Кажется, нашим прогулкам конец.

К дому приближался пламенно-красный сарафан.

– Кармен, – проговорила Юля вполголоса.

Каблучки щелкали, как кастаньеты.

– У мамы бизнес в Испании, – не без удивления отозвалась Таня.

– А что ж вы тут тогда торчите?

– Я жары не выношу... Мама, познакомься, это Юля, внучка Юрия Георгиевича.

– Можно вас немного проводить? – тут же нашлась Юля – а вдруг не все потеряно. Вдруг эта мама как-нибудь от них отстанет.

– Ну, разве что немного. Нам тут близко.

– А вы не любите гулять по Белогорску? На той улице много красивых домов.

– Да, маме это может быть интересно, она занимается недвижимостью, – подхватила Таня, забирая у Егора щенка.

Зеленая улица с причудливыми особняками действительно заинтересовала маму, которая, проезжая на машине, не замечала деталей.

– И кто только здесь живет? – отметила она дом с корабликом и витражами.

– Принцесса, – предположила Таня, и теперь Юля метнула на нее удивленный взгляд.

Мама, перестав недовольно поглядывать то на дочку, то на собачку, завела светский разговор:

– Юля, а твои родители тоже физики, как дедушка?

– Нет, – был ответ. – Мой папа – Карабас-Барабас.

Кармен не знала, как отреагировать, а Таня не поверила:

– Не может быть! Директор кукольного театра?

– Может, – подтвердила Юля. – Только правильно – театр кукол. У нас семейный театр.

Родители оба – кукольники.

– Какая интересная у тебя должна быть жизнь, – заметила Танина мама, а Таня так и впиалась в подружку глазами:

– И вы повсюду ездите и даете спектакли? Или у вас есть свое здание? И ты тоже участвуешь в представлениях? А куклы на ниточках или большие?

– Да, наша жизнь – сплошной праздник, а по праздникам – сплошная работа, – смеялась Юля. – Конечно, меня давным-давно припрягли. Тростевые куклы папа и мама водят, а я только

помогаю, когда нужен второй актер. А вообще я шью хорошо и поэтому отвечаю за тряпки, а брат – за освещение и музыку, это исторически сложилось. Ездим – да, по всей области. Нас хорошо знают и приглашают везде. А недавно в Москве были на фестивале...

– Это правильно, когда дети с раннего возраста участвуют в семейном деле, – одобрила Кармен, в то время как Таня расспрашивала, придумывают ли они свои сценарии или используют готовые, и какие пьесы нравятся публике, и о самих куклах.

– Я получаю зарплату, – похвалилась Юля. – Родители нам карманных денег не дают, у нас это не принято, мы с братом сами зарабатываем.

– Значит, твое будущее определено, – подытожила Танина мама. – Те, кто выросли в театре, обычно и сами становятся артистами.

– А вот и нет, – живо возразила Юля. – Не знаю, как брат, а я не собираюсь всю жизнь играть в куклы!

Обе ее собеседницы опешили. Таня даже запинаться начала:

– Тебе что, театр не нравится?

– Да нет, просто я не собираюсь в нем застревать только потому, что родители посвятили ему жизнь. Возможно, свою жизнь я посвящу чему-нибудь другому.

– Какая ты самостоятельная! – воскликнула Танина мама, забыв и об особняках, и о том, что прогулка затянулась. Новая подруга дочери интересовала ее все больше. – А можно узнать, чему именно ты хотела бы себя посвятить?

– Можно, – через паузу, но твердо отвечала Юля. – Вероятнее всего, точным наукам вроде физики или космологии.

– Космология? – переспросила Кармен. – Какая же это точная наука, если она то утверждает, что Бог создал небо и землю, то что это был Большой взрыв. Сначала Солнце вертится вокруг Земли, потом наоборот – и неизвестно, что дальше придумают. По-моему, самая фантастическая наука.

– Тем более стоит заняться, – не уступала Юля. – Здесь, в Белогорске, как раз это направление, и я приехала посмотреть.

Она предпочла не уточнять, со спросом или без она приехала, но Танину маму интересовало не это, а как девочка добралась без провожатых.

– Нормально добралась. До Ярославля – на автобусе, до Москвы – на поезде. Всего-то часа четыре. И у меня же есть свои деньги, – напомнила Юля независимо.

– Поразительно! Без няnek доехала, и ничего не случилось. А вот моя Таня такая беспомощная – не представляю, чтобы она отправилась куда-нибудь сама!

Юля хотела высказать об этом свое мнение, но вовремя остановилась, тем более что на нее сыпались новые вопросы:

– Ну и как, дедушка уже показал тебе НИИ? Он же там всю жизнь проработал. Он, наверное, гордится тем, что внучка собирается идти по его стопам?

– Знаете, я ему пока об этом не сообщала, – честно ответила Юля. – Зачем говорить гоп, пока я ничего еще не прояснила.

– И что же тебе нужно прояснить?

– Ну, вот сегодня я побывала в гимназии. Это такая спецшкола, с углубленной физикой и математикой. И договорилась о том, чтобы там учиться.

– Ты – договорилась? – воззрилась Танина мама. – Сама? Это как же?

И тут Юля, до того отвечавшая на вопросы осмотрительно, продумывая каждое слово, чтобы самой куда-нибудь не вляпаться с этой чужой мамой, да еще Таню не подвести, забыла об осторожности.

– Я захожу, а там интерактивная доска! Представляете? Как по телевизору! Гимназия пустая, один учитель сидит и с доской тренируется. Ее только что установили, и у него стилус не пошел – он пальцами тыкает и инструкцию читает. Я тоже попробовала – и получилось!

Мы еще электронным маркером порисовали, и экранную клавиатуру нашли, и другие всякие возможности. Так здорово! И когда я сказала, что хочу у них учиться, он меня поспрашивал – он математик оказался, – а потом повел к директору. Ну, в общем, я им подхожу, они меня берут, нужно только согласие родителей.

Услышав свои последние слова, Юля перестала захлебываться от восторга, увяла и призадумалась. Танина мама, наоборот, восхитилась:

– Какой ты необычный человек! Просто чудо какое-то. Сама, без взрослых – пошла и поступила в школу! Впервые вижу такую самостоятельность в таком возрасте. Таня, ты только посмотри, ведь твоей подруге столько же лет, сколько тебе. Как бы я хотела, чтобы ты была такой же! Общение с Юлей должно пойти тебе на пользу! И как хорошо мы прошлись, как приятно оказалось на этих милых деревенских улочках. А я все в доме сижу. Давайте и завтра вместе прогуляемся!

Семья вурдалаков

Таня опять сидела в пустой комнате на втором этаже. Зоркий глаз мамы издали заметил на экране ноута раскрытую папку «Математика». Мама сразу же затормозила.

– Ну ладно, занимайся. Мне надо съездить в Москву. Сажу ведь тут без вылазу, а дела стоят! Хотела, чтобы ты со мной прокатилась, но если ты готовишься к уроку – не отвлекайся. Я на пару часов, туда и обратно.

Таня молча кивнула, услышав в ее голосе привычные уже нотки раздражения, досады и упрека. Мама сама выдумала, что должна с ней сидеть и посвящать ей свое время, отрывая его от дел, которые стоят. Если из любых ее речей отфильтровать смысл и улавливать только эмоции, то это будут как раз упрек, досада и раздражение.

Но когда машина отъехала, в сознание вернулось значение услышанных слов: пара часов. И еще два на дорогу, туда и обратно!

Через несколько минут Юля и Таня уже шагали по улице, уткнувшись носом в карту. Таню восхитило, что фонтан отмечен крошечным рисунком – рыбкой с фонтанчиком, бьющим из пасти, а ее любимая вышка на пустыре – парашютиком, значение которого им уже понятно. Дом с золотым корабликом тоже есть – нарисован кораблик.

– А что значит этот заяц?

– Да тоже, поди, флюгер какой-нибудь. А вот этот торт? А еще три рыбки, только на боку?

Все значки были неподалеку друг от друга, и девчонки довольно быстро выяснили, что тортик означает кафе «Забавушка» с очень вкусными эклерами, а рыбки на боку – это харчевня «Три пещаря», где они поглазели на роскошный аквариум с затонувшими кораблями, руинами и стаей разноцветных рыб.

Зайчик же оказался никаким не флюгером, а мини-скульптурой: лопухий сидит в обнимку с бегемотиком, и на скамейке рядом с ними есть место для кого-нибудь третьего. Таня с Юлей достали мобильники и сделали селфи.

Потом им захотелось узнать, что значит лошадиная голова.

– Нет, это точно Понивилль! Там, наверно, катают на пони.

Перед подругами, однако, предстала площадка с гигантскими шахматами, которые уже кто-то двигал. Шахматный конь там, разумеется, тоже был. «Клуб четырех коней» располагался у одного из входов в парк, но туда они продвинуться не решились: для этого лабиринта нужен хороший запас времени. А еще лучше – целый день. Это должен быть отдельный поход.

– Что же нам выбрать? Может, дом с привидением? – Таня смотрела на часы. – Может, успеем? Он на обратном пути.

– И я с вами, – вынырнул откуда-то Егор.

Юля рассердилась. Он что, опять за ними ходит?! Снова хочет Моську подержать? Его услуги сейчас не нужны!

– Пускай идет, – заступилась Таня. – Он вообще-то настоящий путешественник. С ним такие крутые приключения случались. Один раз потерялся в лесу с еще двумя детишками – и сам их вывел, представляешь? Они там целую ночь провели, чуть в болоте не утонули. Их искали всем городом, с настоящими спасателями, с вертолетом...

– Да? – не поверила Юля и посмотрела на мальчишку оценивающе. – Ну пошли. А ты что-нибудь про этот дом знаешь?

– Еще бы, я все про все знаю! В одной хрущевке есть нехорошая квартира. Там бродит такая прозрачная женщина, ее много кто видел. Она там умерла. Квартиру потом продавали несколько раз, так ее все жильцы видели. А в парке есть одно дерево, там мужик повесился. И

он ночью гуляет по черному парку! Днем не гуляет, не бойтесь. А еще на Зеленой горке есть одна пещера...

– Ну, а дом-то? – напомнила Юля.

– У, там жила такая жуткая семейка – старая ведьма одна и ее родственники! Они там поубивали друг друга. Может, не всех поубивали. Наверно, еще хотят! И привидение за кем-нибудь возвращается. Ходит, ищет.

Егорка вытаращил глаза и сделал страшную рожу.

* * *

Дом с заколоченными окнами выделялся среди современных ухоженных коттеджей, потому что был просто очень старой заброшенной избой. Сад и дворик заросли буйно и беспорядочно. Туда явно не ступала ничья нога.

– Отсюда не видать, – определила Юля, – никаких привидений. Слушайте, сейчас совсем светло – может, в окна заглянем?

Стало ясно, что Егора недаром взяли в компанию: он тут же нашел место, где можно пролезть, и они, не привлекая ничего внимания, быстро оказались по ту сторону забора. Поднялись на цыпочки, заглянули в щели между досками, закрывающими окна. Подсветили мобильниками, но в полумраке нельзя было ничего различить.

– Обойдем вокруг дома? – шепотом предложил Егор.

Они двинулись друг за другом, по цепочке. Вокруг было на редкость мирно, пели птички, порхали бабочки – ничего мистического, будничная картина, совершенно такая же, как у каждого из них на даче. И всякие мальвы-малины точно такие. Но именно это показалось Егору подозрительным.

– А чего это нет бомжей? Они такие места вообще-то любят. А тут даже трава не приотптана. На Танином пустыре – понятно, он на задворках у полиции, туда и не лезет никто. А здесь чего? Может, бомжи боятся? Может, они что-то видели?

Девчонки переглянулись.

– Тонко подмечено, – признала Юля. – А что, если бомжи внутри тусят? Не побоишься дверь толкнуть?

Егор, разумеется, бесстрашно поднялся на крыльцо и подергал дверь, готовясь пробраться внутрь и все подробно исследовать. Но дверь не поддавалась.

– Крепко заперто. Нет там никого.

Юля заглянула в еще одно окно, заколоченное только наполовину. Низкие лучи вечернего солнца высветили пустое помещение. Прищурилась: старые журналы на полу, еще какой-то мусор и у самого окна – продавленное кресло-качалка. Обивка в лохмотьях. И все, ни людей, ни признаков их присутствия. Только кресло-качалка почему-то кажется знакомым...

– Нет привидения, – заключила Юля, уточнив: – Сию минуту нет. Наверно, оно является в определенное время в определенном месте. Ночью, скорее всего. И к тому же не всем. – Так не хотелось подрывать авторитет карты! Она опять ее раскрыла. – А что это – 5D?

– 5D – это и есть 5D, – отозвался Егор, – киношка рядом, в клубе.

Время до возвращения Таниной мамы оставалось, и компания вознаградила себя за неудачу с привидением соответствующим коротеньким фильмом «Призрак». Когда на обратном пути прямо перед Юлиным лицом из нависающих ветвей возникло нечто прозрачное, бледное, и она, наткнувшись, успела ощутить холод чего-то неживого, то чуть не вскрикнула.

– Шарик, – сказал Егор. Он проявил великодушие и не стал смеяться. Снял с дерева обмякший воздушный шар. – Улетел и застрял тут.

– Привидение, – возразила Юля, присмотревшись к находке. – Не поняли? Это же оно, наше привидение! Карта не должна врать. Написано «Дом с привидениями» – значит, так тому и быть. Сейчас мы это живо устроим. Не бойтесь еще разок туда слазить?

И Таня с Егором убедились, что оранжевая девочка выросла в театре. Она сгоняла в свою каморку за старой простыней: «Там столько всякого хлама. Не думаю, чтобы это была большая утрата». Из двух подобранных палок и проволоки соорудила каркас.

Место они выбрали удачное – застекленную терраску, и когда потом сами смотрели с улицы на неясную белесую фигуру, которая покачивалась за ветками и частым переплетом рам, то лучшего призрака и представить было невозможно. Мерцающая голова его колыхалась заунывно, включившиеся фонари выхватывали то складку, то развевающиеся края. Если бы компания увидела такое час назад, только забравшись в обиталище нечисти, то рисковала все-речь напугаться.

Покидать свое творение никому не хотелось. Они любовались им с разных ракурсов, фотографировали и разошлись уже почти в полной темноте.

Танина мама, вернувшись, обнаружила дочь в той же комнате, в той же позе, за ноутбуком с раскрытой папкой «Математика».

Собачье сердце

Как только голова поравнялась со вторым этажом, Юля увидела голый деревянный пол. Просторно и пусто. В комнате без мебели прямо на полу сидела Таня, спрятанная за раскрытой книгой.

– Чего это ты сюда забралась? Внизу же сплошные ковры и диваны.

– Здесь лучше, – отозвалась Таня, приветливо выглянув из-под челки и неопределенным жестом приглашая расположиться рядом. – Понимаешь, мама не в духе – она томится без своих обычных дел. А я же не могу сказать, что ее жертва никому не нужна. Может, она всю жизнь представляла себе, как возьмет и посвятит мне кучу времени – вот только заработает еще кучу денег, докажет папе еще раз, какая она деловая и не хуже его... И вот свершилось, только совсем НЕ ТО... В общем, здесь лучше. Смотри, как я Моську устроила.

Моська спала, и как раз с комфортом: с грелками, на бархатной подушке от тех самых диванов. Ее не сразу было видно из-за мохнатой игрушечной собаки. Юля фыркнула:

– Что, новая мамаша?

– Да, может, ей так уютнее будет. Она все время мерзнет. Так и не вылезает со вчерашнего дня.

– Интересно, что из нее вырастет? Может, совсем не барбос, а такая нежная моська, на которых надевают одежду и носят гулять на руках... Вот это да!

Отчаявшись разбудить собачонку, Юля попробовала приподнять фолиант – «Божественную комедию» Данте. Марине тут делать нечего: картинки уже есть, во всю страницу, хоть книжка и взрослая.

– А это я в чулане нашла, – Таня указала куда-то на стену позади себя, – там же, где собачью мамашу. Среди игрушек и старых вещей. Это путешествие по кругам ада, среди грешников...

– А почему души нарисованы в виде тел? Бодибилдеры какие-то, – критически оценила Юля иллюстрации Гюстава Доре. – Если они грешники, то надо было сделать их уродами. Уродов и рисовать интереснее, и рассматривать. Они могли бы все быть разными: обжоры – жирными, жадные – тощими.

– А может, в них осталось что-нибудь хорошее? Ну, если они – души... Ведь всякая душа вначале прекрасна... И это знак надежды – может, они еще выберутся...

– Все равно, у нас в театре кто плохой, тот урод: Смерть с косою, полицейский, который с Петрушкой дерется. Сразу видно, по носам и рожам.

– Таня, ты здесь? – Показалась голова Таниной мамы. При виде Юли заранее сведенные брови расправились, она только успела бросить досадливый взгляд на собачку. – Здравствуй, Юля! Что же вы на полу? Таня, кто так принимает гостей? А это что еще? Ад?! И как это понимать? Опять загробный мир и уныние?!

– А я сегодня была в настоящем аду, – вмешалась Юля, покосившись на подругу, которая заметно съежилась и загородила собой собачью подушку. – Люди сами его устроили, еще на нашем свете. Ни за что не догадаетесь – это баня.

Кармен расхохоталась:

– Боже мой! Как ты туда попала?

– Я спросила у деда насчет гигиены. Думала, он душ устроил – многие, кто на дачах постоянно живет, так делают. Оказалось, он ходит в городскую баню. Ну, и я пошла, – невозмутимо повествовала Юля. – А там такой кошмар. Я же не знала. Я никогда раньше в бане не была. Ну, видела на пляже, что не все люди – идеал красоты, но чтобы они были такими безобразными! Представляете, жара, клубы пара, жуткие фигуры – конечно, это ад. И не кра-

сивенький, как в книжке, а настоящий. Просто пекло. Я с закрытыми глазами помылась и даже есть потом не могла.

Танина мама слушала с живым участием.

– Да, это настоящий культурный шок. Бедная девочка! Ну, а теперь немного отошла? Пойдем перекусим. У нас на обед чудесные пирожки из местной кондитерской. Что же, необходимость жить у бабушки и совершать омовение в белогорской бане не заставит тебя отказаться от мечты о космологии?

– Думаю, это можно выдержать, – отвечала Юля через совсем небольшую паузу, а Кармен опять засмеялась:

– Значит, ты прошла проверку на прочность! – Ее настроение заметно улучшилось, и она сама это заметила: – Надо же, я даже о платье забыла. В воротах зацепилась за что-то и порвала – так жаль, совсем новое.

– Ничего не порвали, просто потянули нитку, и шов распустился, – тут же определила Юля и деловито предложила: – Давайте зашью. Я умею. У меня и иголка есть с собой, а нитку можно использовать ту, что тянется.

Кармен замялась, боясь, что дорогое платье будет окончательно испорчено, но быстро сдалась:

– Ну хорошо. А впрочем, лучше бы завтра захватить в Москву, к моему знакомому модельеру... – Но когда все было готово, всплеснула руками: – Как быстро! И совсем ничего не заметно. Где же это место с прорехой? А где шов? Его не видно...

– Его и не должно быть видно, – гордо заявила Юля, – это специальный потайной шов. Я же говорила, что отвечаю в нашем театре за тряпки. – А когда Кармен ушла на кухню за чайником, спросила у Тани: – Тебе еще не хочется меня убить, такую хорошую? Придушить? Уронить кирпич на голову?

– Что ты! Наоборот – спасибо, ты ее отвлекаешь от меня и от Моськи. Она так хорошо на тебя реагирует, – прошептала подружка, но ее мама вернулась и тут же «исправилась»:

– Юля, ты просто кладезь талантов! А Таня несколько лет обучалась всевозможным рукоделиям у лучших преподавателей, но даже пуговицу не может пришить! Я смотрю на вас обеих – и такое ощущение, что из одного человека способности просто выстреливают, а в другого, наоборот, все уходит, как в пустоту.

– А как по-вашему, мечтать – это способность? – не выдержала Юля, но Кармен невозможно было загнать в тупик.

– Это дополнительное свойство, которое должно быть приложено к главному. У тебя, например, как у будущего ученого, – к физике. А само по себе оно – та же пустота, воспроизводящая сама себя. И ничего больше.

– Не согласна, – живо возразила Юля. – Если мечта – это энергия, из нее всегда что-нибудь выйдет. Ведь из энергии возникла материя, то есть все, что существует.

– Ты замечательно умеешь спорить, – восхитилась Танина мама. – Но твой аргумент – всего лишь гипотеза. Мы уже говорили, что ученые играют в разные игрушки – то в Бога, то в Большой взрыв. А что было на самом деле и что из чего возникло, неизвестно.

– А вот посмотрим, что на коллаидере выйдет! А вдруг они получают материю из энергии...

– И станут как боги. Заветная человеческая мечта. Ты что же, следишь за этими исследованиями? – Параллельно Таня, не интересующаяся коллаидером, получила укоризненный взгляд и реплику: – Когда пойдешь на урок, не оставляй, пожалуйста, здесь эту собачонку. Вдруг она снова примется визжать!

– Давай завтра покажем Моську ветеринару. Я в карте видела пометку «Айболит», это недалеко. Да тут все недалеко. Может, когда твоя мама узнает, что у нее нет глистов и лишаев,

то успокоится? – Юля забралась на литые чугунные ворота и медленно на них проехала. – А это, случаем, не та твоя калитка с завитушками? Нет? Надо бы на карте поискать... Слушай, а ты когда-нибудь своей маме возражаешь или глотаешь все, как сейчас?

Таня пожалала плечами.

– А смысл возражать? Я пробовала. Мама – истинная бизнес-леди. Она привыкла командовать и слышит только себя. Я видела ее на работе, там то же самое. И я смотрела, какая она уверенная, и восхищалась, и одновременно думала, что мне никогда такой не стать. Потому что я не такая. И она думает то же самое: НЕ ТАКАЯ. Она, как те парни с квадроциклов, смотрит на меня, а видит не меня. Что-то другое. Наверно, какой я должна быть, по ее мнению. Но я же никогда не смогу в это превратиться. И что тут можно поделать?

– Ну, мало ли кто чего видит. – Юля решительно толкнула свою калитку. – Мои родители тоже видят, что я НЕартистка, но прикидываются, будто не замечают. Но я же не должна ни во что превращаться, чтобы влиться в то, что не мое! Семейное дело, не семейное – какая разница. Я не обязана его любить! Я буду делать что хочу! Я, если хочешь знать, просто села и уехала, потому что достали! Давай мне Моську, иди к Хоттабычу.

Но Моська неожиданно потянулась из ее рук к хозяйке. Подруги засмеялись.

– Смотри, она тебя уже признает. А насчет смысла... Не будешь возражать – подумают, что тебя все устраивает.

Во весь голос

На хорошие вести от ветеринара мама не обратила внимания, только уточнила:

– Это, наверное, Юлина идея – собаку специалисту показать? Что, угадала? Разумно и своевременно – вполне в ее духе. Ничего, детка, мы и тебя повернем к практической стороне жизни. Я сегодня встретила одного знакомого и услышала про этот экономический лицей – думаю, это как раз то, что нам нужно. Почти сто процентов выпускников поступают в «плешку», МГУ, Высшую школу экономики... Я уже договорилась. Пройдешь тестирование и собеседование. Очень удачно, что ты как раз подтягиваешь математику...

Таня, уже собравшаяся на урок, остановилась в дверях.

– Ты это о чем? Какой еще лицей?

– Я же говорю – экономический, в который ты переходишь с сентября.

– Опять?! Почему я все время должна учиться в новых школах?

– Потому что, дорогая моя, извини, но ты нигде не тянешь. И приходится пристраивать тебя еще куда-нибудь, – повысила голос мама.

– А почему ты меня не спрашиваешь, хочу я туда или нет? – Голос Тани тоже зазвучал громче. – Там же наверняка сплошная математика!

– Ты ходишь на математику каждый день уже полмесяца, и с тобой ничего не случилось.

– Я ее ненавижу, – отрезала Таня.

– Ну, это сильно сказано. Понять, чего хочешь, ты не в состоянии, а возражаешь просто из желания противоречить! Думаешь, кто-то будет еще так с тобой носиться, как твоя бедная мама? Переживать за тебя, предлагать то одно, то другое! Какая разница, чем заполнить твой вакуум, – важно сделать это вовремя! В выпускных классах надо уже знать, где будешь учиться дальше. Или ты намерена стать домохозяйкой? – прозвучал насмешливый вопрос. – И приобретать профессию не собираешься? Хочешь сидеть дома и во всем зависеть от мужа? Не видела, чем это может кончиться?

Таня молчала.

– Я считаю, что тебя пора приобщать к семейному делу, – завершила мама. – И экономическое образование – самое подходящее в этом плане.

– Я ни в какой лицей не пойду! Не надо мне никакого экономического образования! – закричала Таня и выбежала, забыв про Моську.

– Что-то Таня сегодня задерживается, – проговорил дед, глядя на часы и перекладывая на столе учебники. – А я, кстати, вспомнил, чья эта алгебра. Ну, ты еще спрашивала. Тут же подписано – хороший мальчик такой, Никола Берестов. Занимался у меня лет пять назад.

– Отличник, что ли? – осведомилась Юля. То, что рассказывала о своем следопыте Марина, не вязалось с понятием «хороший мальчик».

– Да нет, над алгеброй-то он зевал, как многие, а вот поговорить с ним было интересно. Широкий кругозор. Глаза светились. Еще он снег мне помогал с крыши сбрасывать, антенну предложил установить для телевизора. Этой зимой она завалилась, и ящик только помехи показывает... А теперь дети ничего вокруг себя не замечают, все очень загружены: с математики – на английский, потом еще какие-нибудь репетиторы. У многих музыка, хореография, спорт. С утра в школу уйдут, а потом, как бульдозеры, толкают впереди себя груды всяких наук и занятий, до самого вечера разгребают... Да где же Таня? Обычно она не опаздывает.

– Ну, на крышу и я могу слазить – легко. Ты мне будешь снизу говорить, чего там делать с антенной. А Таня – правда, странно.

Во время урока Юля собиралась сгонять в «Забавушку» за полюбившимися пирожными. Выйдя на улицу, спросила через забор у Егора – на всякий случай:

– Таню не видел?

– А она на свою вышку пошла, – тут же ответил он. – Даже побежала.

* * *

Запыхавшаяся Юля подумала, что второй раз влетает на этот пустырь на предельной скорости. Эльф сидел на прежнем месте, только уткнувшись носом в колени. Прозвучало чуть слышно:

– Она собирается запихнуть меня в экономический лицей. Я из последних сил таскаюсь на эту математику, потому что ее через два года опять сдавать, а она думает, что, значит, со мной можно делать все, что угодно. Я не вынесу еще и школу со сплошной математикой!

– Ну, на этот раз ты возражала, или она должна была ловить твои мысли путем телепатии?

– А она слушает?! Я не хочу такую жизнь, которую за меня программируют! Я не хочу жить по их сценарию, который они к тому же все время меняют! То жили спокойно, как будто меня и нет, а теперь я в какое-то семейное дело должна включаться. В какое?! У папы – один бизнес, у мамы – другой, они не пересекаются, они вообще в разных странах! А если и ему завтра что-то в голову взбредет – что-то двадцать пятое?

Апельсиновая подружка пыталась сообразить, что делать.

– Я не чувствую себя живой, когда меня дергают за ниточки! Мне страшно, страшно осознавать, что сама по себе я ничего не значу, себе не принадлежу и со мной можно делать что угодно! Ничего не может быть ужаснее этого. Юль, я прекрасно знаю, что полностью от них завишу. Я не такая, как ты, я не смогу встать и уйти из дома. Мне некуда идти! У меня нет денег даже на автобус. И даже если бы были – я знаю, что не смогу сама выжить в этом мире, в котором ничего не понимаю!

– Ну, это еще не значит, что ты должна играть по их правилам. И я не такая уж независимая, как тебе кажется. – Юля сдвинула рыжие брови. – Для гимназии нужно заявление от родителей, а они фиг напишут. Они даже не позвонили ни разу! Вот, мобилка всегда со мной, я никогда ее не выключаю. Я это не к тому, что уехала для того, чтобы за мной все тут же побежали. Но они специально молчат, это отношение! А с дедом мама сто лет не разговаривает, у нас о нем вообще не принято упоминать – меня теперь наверняка в предатели записали. И из принципа не захотят, чтобы я тут жила! Все мои громкие планы – фигня. Я такая же марионетка! Меня в любой момент домой вернут и на гвоздь повесят, как Буратино.

Таня наконец подняла голову. Девочки молча посмотрели друг на друга.

– И тебе не страшно? – выдавила Таня.

– Слушай, нам нужно сделать антракт. Одна моя знакомая говорит, что жизнь на нее давит, как железный колпак, и она из-под него пытается вылезти. А мы чего сами под колпак лезем? Может, все еще не так плохо. Может, нам только кажется, что тут ничего не поделаешь. Родителям я дам шанс – подожду до конца недели. Потом сама позвоню. А тебе же в этот лицей не завтра идти? Может, тебя в него еще не примут. Давай расслабься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.